

Мѣсто выхода ея: _____

С П-В

Дата и № 45

15/4

1910 г.

Гражданская панихида.

(Отъ нашего московскаго корреспондента).

Mon cortège effrayant, о котором писалъ когда-то Вольтеръ, говоря о карьерѣ актера, не расходитя и послѣ смерти актера, слѣдуетъ за нимъ и за гробомъ.

Казалось, давно и невозвратно миновали тѣ дни, когда актерскому гробу отказывали въ могилѣ на общемъ кладбищѣ и указывали ему мѣсто гдѣ-то тамъ, за оградой, среди могилъ нечестивыхъ, когда прахъ Адриенна Лекуверрера не хотѣли вернуть землѣ по обрядамъ церкви. Казалось, давно вывѣтрись и послѣдніе остатки ветхихъ предрасудковъ.

Казалось напрасно.

Широкая волна скорби, такой ягучей и такой жуткой, раскатилась изъ Ташкента по всему русскому обществу. Давно никакая утрата не чувствовалась такъ остро и не оплакивалась такъ горько и такими искренними слезами. А когда эта скорбная волна докатилась и до саратовцевъ и захотѣли они отслужить панихиду по Вѣрѣ Федоровнѣ, по прекрасной, чистой служительницѣ прекраснаго искусства,—вы знаете, оказалось, что сдѣлать имъ этого нельзя. Епископъ Гермогенъ увидалъ неодолимые препятствія. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, во всей остальной Россіи не потребовались никакія справки изъ Ташкента. Саратовскій епископъ призналъ ихъ необходимыми...

А когда московскій Художественный театръ пригласилъ священника, чтобы отслужить панихиду по дорогой усопшей въ своемъ фойѣ,—онъ получилъ такой приблизительно отвѣтъ:

— Къ сожалѣнію, исполнить эту просьбу не представляется возможнымъ: распоряженіемъ высшихъ духовныхъ властей Москвы, всякія церковныя служенія въ театральныхъ помѣщеніяхъ воспрещены.

Сегодня утромъ на панихидѣ по Комиссаржевской въ одной изъ церквей священникъ, можетъ быть—даже тотъ самый, который писалъ это извѣщающее письмо, сказалъ «слово». Я его не слышалъ, но мнѣ передавали его содержаніе. Пастырь говорилъ, что онъ самъ никогда не видѣлъ Комиссаржевской, самъ запрещаетъ ему ходить въ театръ; но онъ знаетъ Комиссаржевскую по рассказамъ людей, которымъ привыкъ вѣрить. И онъ знаетъ, что то была служительница чистой красоты. Значить, дѣлала дѣло, очень близкое религіи.

Но она же дѣлала свое дѣло, которое и пастырь церкви признаетъ близкимъ религіи, въ театрѣ. И, однако, вознести здѣсь за нее молитву «строжайше воспрещается». Какъ въ капищѣ Вааловомъ, какъ въ мѣстѣ грѣховномъ и скверномъ. И еще. Вчера я былъ на панихидѣ по Вѣрѣ Федоровнѣ въ театральномъ бюро, куда актеръ приходитъ для коммерческой сдѣлки, для купли-продажи, для заключенія контракта съ авансомъ и неустойкой. Здѣсь стѣны не должны оскорблять. Сегодня я былъ на панихидѣ въ театральномъ училищѣ, гдѣ дѣтей и юношей учатъ быть актерами, готовить къ театру. Здѣсь панихида не возбраняется. Здѣсь даже есть домовая церковь. Но въ томъ мѣстѣ, къ которому школа готовится, куда придуть изъ нея, чтобы раскрыть лучшую часть своей души, принести свой талантъ, свои вдохновенія,—нѣтъ въ этомъ мѣстѣ молитвы кажутся кощунственными. И не долженъ подниматься кадильный дымъ...

Панихиду церковную Художественный театръ былъ, такимъ образомъ, вынужденъ замѣнить «панихидой гражданской». Такъ опредѣлилъ В. И. Немировичъ-Данченко смыслъ и значеніе того «траурнаго собранія», которое было сегодня устроено въ фойѣ театра и на которое пришли актеры всѣхъ московскихъ драматическихъ труппъ. Не припомню, чтобы у такой «панихиды» были какіе-нибудь прецеденты. Это—первый опытъ. Можетъ быть, онъ положитъ начало новой традиціи. И уже однимъ этимъ онъ стоитъ вниманія.

Жуткое было первое впечатлѣніе. Похолодѣло на сердцѣ. Затянутая чернымъ бархатомъ стѣна. Съ этого фона глядитъ Вѣра Федоровна, писанная Зарудною-Кавось. Милыя, дорогія черты... Печально смотреть громадные глаза. Грустная улыбка на губахъ. Сколько разъ видѣлъ я ее такой! И я не знаю, къ кому не подступили слезы, когда метнулось въ глаза съ чернаго бархатнаго поля это лицо, которое уже никогда не засвѣтится восторгомъ творчества, эти губы, которыя уже никогда не улыбнутся, эти руки, которыя никогда не протянутся для теплаго, сильнаго пожатія...

А когда, послѣ коротенькой рѣчи Немировича-Данченко, говорившаго о томъ яркомъ свѣточѣ, который вырвала у насъ жестокая рука, неспасимая въ своихъ капризахъ судьба, хоръ театра откуда-то запѣлъ «вѣчную память», и поплыли эти торжественные и скорбные звуки,—неудержимо побѣжали у всѣхъ слезы. Онъ былъ высшей мо-

литвой о той, которая всю себя, все великое свое сердце сжигала на огнѣ искусства, которая такъ жадно любила красоту жизни, которая вся была—порывъ къ прекрасному и выносила въ своей душѣ столько трагедій, чтобы потомъ отдать ихъ своимъ зрителямъ...

Рѣчи «траурнаго собранія» были не очень богаты ни фактами, ни краспорѣчимъ. Иногда мелькали воспоминанія объ актрисѣ, о человѣкѣ,—я не знаю, кто изъ нихъ былъ прекраснѣе въ Вѣрѣ Федоровнѣ,—попытки охарактеризовать сущность ея таланта и ея творчества. Но это было мимолетно и неглубоко. Не пришелъ еще часъ спокойнымъ характеристикамъ и оцѣнкамъ. Слишкомъ еще взбуждена душа у каждого. Не подбираются нужные слова. Но каждая почти рѣчь была стономъ, говорила о тоскѣ, звенѣла слезами. И глубоко отдавалась въ слушающихъ. Да, это была панихида, только на особый ладъ.

Я не стану передавать содержаніе небольшихъ рѣчей П. Д. Боборыкина, кн. А. И. Сумбатова, трехъ московскихъ театральныхъ критиковъ. Боюсь, въ пересказѣ ничего почти не осталось бы. Впрочемъ, каждый могъ бы сказать и много больше, и много лучше. Но никто въ этой «панихидѣ» и не хотѣлъ быть «ораторомъ». Только несъ свою печаль къ подножью памятника, который создала Комиссаржевская въ каждомъ, ея знавшемъ сердцѣ. И всѣ печали сливались въ одинъ потокъ скорби. И всѣ глаза, затуманенные слезами, устремлялись въ таинственную даль, куда ушелъ отъ насъ этотъ крылатый гений, эта маленькая, хрупкая женщина съ громаднымъ и могучимъ духомъ.

Чужой.

13 февраля.